

УДК 330.352.3

ГУМАНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И НЕОИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Гасанов Э.А.

Хабаровский государственный университет экономики и права

Аннотация.

Социальное благополучие играет целевую роль в развитии современной экономики. Для стран, которые прошли через период рыночных реформ и промышленного спада, перспективы роста социального благополучия связаны исключительно с неоиндустриально-индуцированным экономическим ростом. Именно он должен стать результатом трансформации национальной воспроизводственной системы в ходе модернизации базовых отраслей на новой технологической основе и конвергентного развития высокотехнологического сектора. Увеличение внутреннего промышленного производства и рост занятости в средне- и высокотехнологичных отраслях – основа роста социального благополучия в индустриальном обществе – невозможны в рамках действующей государственно-корпоративной модели инвестирования промышленности. Именно здесь экстенсивное развитие затрудняет вовлечение человеческого капитала в процесс структурных преобразований. В настоящее время в России рентно-сырьевая модель экономики делает невозможным возрастание социального благополучия без возникновения конфликтов интересов различных групп населения, в том числе элитных. Поэтому задача промышленной политики в России заключается в гуманизации экономического роста путем воссоздания доминирования современного промышленного уклада в ходе технологической трансформации базовых отраслей, сокращения доли ранне- и доиндустриальных технологических укладов, становления постиндустриального образа жизни. В этом заключается неоиндустриальное ядро возрастания социального благополучия, связанного с ростом высокопроизводительной занятости и концентрацией ресурса человеческого капитала в промышленности, с заменой административной ренты интеллектуальной.

Информация о статье

Принята 01 июня 2019 г.

Ключевые слова: экономический рост, структурные изменения, неоиндустриализация, социальное благополучие

DOI: 10.26730/2587-5574-2019-2-39-49

HUMANIZATION OF ECONOMIC GROWTH: SOCIAL WELL-BEING AND NEO-INDUSTRIAL DEVELOPMENT

Eyvaz A. Gasanov

Khabarovsk State University of Economy and Law

Abstract.

Social well-being plays a target role in the development of modern economy. For countries that have passed the market reforms and an industrial recession, the prospects for social well-being rise are associated exclusively with neo-industrial economic growth, which should be the result of the transformation of national reproductive system, the modernization of basic industries on a new technological basis and the convergent development of high-tech sector. The increase in domestic industrial production and employment growth in basic and high-tech industries is the basis for the growth of social well-being in industrial society. This is impossible within the framework of the current state-and-corporate investment model, in which extensive development makes it difficult to involve human capital in the process of structural transformation. At present in Russia, the raw materials rental model of economy makes it impossible to increase social well-being without causing conflicts of interest for various groups of the population, including the elite ones. Therefore, the task of industrial policy in Russia is to humanize economic growth by reconstructing the dominance of modern industrial structure in the course of technological

Article info

Received June 01, 2019

Keywords:

economic growth, structural changes, neo-industrialization, social well-being

transformation of basic industries, reducing the share of early and pre-industrial technological structures, and developing a post-industrial lifestyle. This is the neo-industrial core of increase in social well-being, associated with the growth of high-performance employment and concentration of human capital in industrial sector, with the replacement of administrative rent with intellectual one.

1 Introduction / Введение

Чтобы оценить влияние индустриального развития экономики на социальное благополучие, необходимо подчеркнуть его объективные и субъективные факторы.

Комплекс объективных факторов благополучия современного общества, во всех секторах которого доминируют высокопроизводительные производства материальных и нематериальных благ, органично связан с генерацией, рыночной коммерциализацией, межотраслевым трансфером и международной диффузией инноваций. Соответственно, объективные факторы благополучия в позднеиндустриальную эпоху включают в себя, во-первых, воспроизводственные, такие как доступность новых технологий и периодичность их замещения, производительность труда, межотраслевую экспансию инвестиций и кредита, государственную поддержку предпринимательства, цену труда и спрос на рабочую силу; во-вторых, сюда мы относим сложившиеся механизмы факторного распределения и перераспределения доходов – образования административной и интеллектуальной ренты, формирование цены труда и социальные трансферты. Наконец, в-третьих, важными объективными факторами социального благополучия являются те институциональные нормы, которые определяют как воспроизводственные, так и перераспределительные процессы в национальной экономике.

Основные субъективные факторы благополучия, воспринимаемые индивидуально, являются результатом воздействия объективных факторов на общество в целом и на индивидов в частности. Они формируют личные ценности, такие как:

- персональное имущественное состояние (доходы, жилье, доступность медицинских услуг, образования и т. д.);
- физические условия (здоровье, безопасность человека), социализация (участие в общественной жизни, социальный статус и общественная роль);
- эмоциональные условия (личностное развитие, уважение, психическое здоровье, уровень стресса, убеждения и т. д.);
- профессиональная реализация (компетенции, продуктивность, удовлетворенность профессией и т. д.).

Действие объективных факторов социального благополучия в российской экономике не позволяет обеспечить выход на современный уровень технологически развитых стран, в которых доминирует индустриальный комплекс. Причина этого кроется в деиндустриальном тренде развития, который закрепился с начала рыночных преобразований в 1990-х гг. и продолжается по сей день. Данный тренд отражает негативные структурные изменения в экономике и проявляется в сокращении доли индустриального сектора в ВВП России в целом (за 1993-2017 гг. с 47 до 35%), а в самом валовом выпуске промышленности – сжатие обрабатывающего сектора с 72 до 61% (по добавленной стоимости) [1]. В связи с этим доля населения, занятого в промышленности и рассчитывающего на уровень доходов, соответствующий современному развитому индустриальному обществу, за период 1993-2017 гг. упала с 43 до 28% [1].

Расширение индустриального сектора в российской экономике сдерживается низкой производительностью труда (в 2017 г. в 3 раза ниже уровня США и в 2,6 раз – уровня Евросоюза [2]) и усугубляется критическим уровнем физического износа основного капитала (49%, а в отдельных секторах обрабатывающей промышленности – до 80%). Это происходит на фоне зависимости трех четвертей предприятий от поставок импортного оборудования и комплектующих, а одной трети – от заимствования зарубежных технологий [3].

В свою очередь, рост производительности труда, напрямую определяющий доходы занятых в индустриальном секторе экономики, сдерживается произошедшей в период реформ технологической деградацией российской промышленности и падением ее не только международной, но и внутренней конкурентоспособности. В частности, к 2017 г. доля V-

го позднеиндустриального технологического уклада сократилась с 19% до 11% ВВП (в США – увеличилась с 45 до 55%), IV-го технологического уклада – с 58% до 44%. Доля VI-го постиндустриального уклада в экономике России остается ниже 0,5% от ВВП, тогда как в США в 2017 г. она превысила 7% [4, С.117].

В результате негативного действия объективных факторов социального благополучия в российской экономике субъективные факторы также принижены. Сохраняется и углубляется значительный разрыв в доходах россиян по сравнению не только с развитыми странами, но и с теми, которые продемонстрировали быстрое промышленное развитие в 2000-х гг. Так, по уровню средней заработной платы этот разрыв составляет: для Чехии – 2,1 раза (в промышленности – 2,7 раз), для Словении – 1,9 раз (в промышленности – 2,6 раз), для Южной Кореи – 5,4 раза (в промышленности – 6,7 раз), для Ирландии – 3,1 раза (в промышленности – 3,6 раз) [5].

Причину такого разрыва в действии факторов социального благополучия между экономикой России и экономикой промышленно развитых стран можно объяснить депрессивным состоянием спроса на рабочую силу в обрабатывающих и высокотехнологичных отраслях, технологической примитивизацией малого бизнеса, сконцентрированного в грюндерских сферах, которые не имеют должных стимулов инновационного развития. В свою очередь, российские нефинансовые государственные инвестиции сосредоточены в нефтегазовой промышленности, в строительстве и оборонно-промышленном комплексе (ОПК) и имеют низкую эффективность. Концентрация доходов от добычи и экспорта сырья в России чрезвычайно высока и соответствует автократическому и олигархическому режимам в Латинской Америке и на Ближнем Востоке.

Следовательно, перспективы возрастания социального благополучия в российской экономике неразрывно связаны с неоиндустриально-индуцированным экономическим ростом. При этом необходим отход как от доминирования перераспределения природной и административной ренты, так и от господствующей модели инвестирования модернизации промышленности, причем последняя реализуется государством преимущественно в угоду добывающим корпорациям и предприятиям ОПК. Именно в этом заложены перспективы гуманизации экономического роста в российской экономике. Они носят структурный характер и отражают зависимость между изменениями воспроизводственной, отраслевой, рыночно-конкурентной структуры с одной стороны и социальной структуры с другой. Появление новых социальных групп с возрастающим благополучием невозможно без смены рецессивного тренда макроэкономической динамики на устойчиво-позитивный. Это, в свою очередь, достижимо исключительно в рамках структурной трансформации неоиндустриального типа.

2 Materials and Methods / Материалы и методы

Как было отмечено выше, социальное благополучие – совокупность различных условий воспроизводства человеческого капитала в заданных экономических условиях – формируется комплексно действием ряда объективных и субъективных факторов. Совокупность последних определяет социально-экономический профиль благополучия, который изменяется в соответствии с поступательной сменой стадий индустриально-технологического развития (Х. Удзава [7], Д. Белл [8], К. Кларк [9], Р. Рейч [10]).

По мнению Д. Белла, прорыв в промышленном развитии западных стран и Японии в XX в. был связан с массированным межотраслевым перетоком капитала и рабочей силы из вторичного сектора экономики (обрабатывающие отрасли, доминировавшие в первой трети XX-го в.) в третичный (транспорт, путешествия, связь – вторая треть XX-го в.), а затем – в четвертичный сектор (глобальная торговля и финансы – последняя треть XX-го в.). С начала XXI в. в экономически развитых странах ожидается доминирование нового постиндустриального (пятеричного) сектора (медицина, программное обеспечение, дизайнерские услуги, образование, консалтинг, глобальный информационный бизнес). Вследствие этого к середине столетия ожидается возрастание социального благополучия технологически передовых стран значительно выше уровня начала XXI в.

В соответствии с трехсекторной моделью национальной экономики К. Кларка, в течение всего XX в. в промышленно развитых странах рыночной экономики имел место сдвиг

в экономической активности от первичного сектора, который доминировал в XIX в. (горнодобывающая промышленность, строительство и сельское хозяйство), к вторичному (глубокая переработка сырья, современный транспорт, связь и финансы). Таким образом, сегодня мы наблюдаем переход к третичному сектору (высокотехнологичные и инновационные отрасли, включая развитые производства нематериальных благ). По К. Кларку, эти процессы так или иначе затрагивают как технологически развитые, так и развивающиеся страны, но происходят в них асинхронно. Для экономики России это означает, что наличие конкурентоспособных по мировым меркам промышленных производств в сырьевом секторе и ОПК не может стать исключительным фактором возрастания социального благополучия.

В пятисекторной модели народного хозяйства Р. Рейч выделил материальные (от первого до третьего сектора) и нематериальные (четвертый и пятый сектора) производства. В течение XX-го в. происходило накопление и ускоренное воспроизводство знаний и человеческого капитала. Это определило предстоящий перевод большинства производительных сил из материального в нематериальное производство. Данный процесс сопровождается глубокими структурными сдвигами в сфере занятости и активизирует новые механизмы факторного распределения доходов (например, интеллектуальной ренты между участниками «облачных» разработок программного обеспечения или предпринимательской прибыли между членами инновационных стартапов).

Можно предположить, что технологическая отсталость российской экономики отражает частный случай несправедливого распределения доходов и разрыва в благосостоянии между сырьевой и административной элитой с одной стороны и обществом в целом с другой. Согласно современной интерпретации методологии Вильфредо Парето [11-13], в промышленно развитой экономике с конца первой четверти XX-го в. существует обратная зависимость между распределяемыми среди домохозяйств доходами и количеством участников этого процесса: 80% ВВП распределяется среди 20% граждан, а остальные 20% ВВП распределяются среди 80% населения (соотношение Парето «80/20») [14-15]. По мнению некоторых экономистов, в российской экономике с начала 1990-х гг. это соотношение находилось в диапазоне 90/10 [16]. Это соответствует положениям теории политического капитализма Макса Вебера [17-18], согласно которым подавляющее большинство федеральных и региональных бизнес-элит в России было создано либо государством (через контакты с его представителями), либо в результате его протекции для определенного круга бизнесменов.

Применяя оптимум Парето (любое изменение, которое никому не наносит ущерба и приносит какую-то субъективно оцениваемую выгоду, является улучшением) к текущей ситуации в распределении доходов в российской экономике, можно сделать следующие выводы.

Причина негативного разрыва в технологическом уровне развития промышленности между Россией и странами с развитой рыночной экономикой может быть представлена в соответствии с положениями постиндустриальной теории Д. Белла, К. Кларка, Р. Рейча как слабость или отсутствие отдельных секторов народного хозяйства с современными технологиями. Соответственно, в теории технологических укладов [20-21] технологическое отставание России предстает как результат завершения переработки сырья на уровне промежуточных продуктов в большинстве отраслей экономики.

В России влияние объективных факторов социального благополучия сдерживается типичным для ресурсно-рентной экономики низким уровнем используемых технологий и слабыми институциональными нормами. В результате субъективные факторы благополучия также многократно занижены по сравнению с технологически развитыми странами. В этом случае ситуация достаточно стабильна, поскольку значительные технологические изменения могут привести к такой структурной трансформации экономики, при которой сократятся благополучия наиболее влиятельных социальных групп. В такой модели распределения факторов производства и доходов государство, вмешиваясь в российскую экономику, пытаясь увеличить благополучие элиты, способствует сохранению технологической отсталости, а не ускорению неоиндустриального развития.

В то же время, согласно первой и второй теоремам благосостояния Парето (об оптимальном и возможном равновесии с ненасыщенной функцией полезности для всех потребителей) [13], существенное возрастание социального благополучия в России будет иметь место только в случае изменения факторного распределения доходов таким образом, чтобы рост благополучия одних не ущемлял других. Здесь просматривается определенный парадокс. Несмотря на справедливость теорем Парето о благосостоянии в экономике, для стран, отстающих в технологическом развитии, важным условием достижения Парето-оптимума является ограничение вмешательства государства в экономику. Мы полагаем, что решение этого парадокса связано с разделением двух проблем: справедливого распределения природной ренты и повышения технологической эффективности экономики. Это соответствует идее использования природной ренты в качестве ресурса неоиндустриализации экономики [22-23]. Для России это означает необходимость сосредоточить усилия государства на развитии третичного и пятеричного секторов экономики, на ускорении технологической модернизации базовых отраслей и формировании социальной группы работников с постиндустриальными компетенциями.

3 Results and Discussion / Результаты и обсуждение

Неоиндустриализация российской экономики является наиболее перспективной формой гуманизации экономического роста. Она несет в себе позитивные структурные сдвиги в сфере занятости и факторного распределения доходов, обусловленные трансформацией воспроизводственной и отраслевой структуры национальной экономики. Для выхода из рецессии и перехода к устойчивому позитивному тренду макроэкономической динамики необходимы глубокие структурные сдвиги. Они должны быть инициированы в воспроизводственной системе и иметь модернизационную природу и неоиндустриальный характер. Именно таким путем можно активизировать действие объективных факторов социального благополучия. Как следствие, будет достигнут новый Парето-оптимум и консенсус интересов получателей факторных доходов. Ключевым фактором производства в процессе неоиндустриализации экономики является интеллектуальный капитал. Он активно участвует в технологической модернизации базовых отраслей в ходе межотраслевого трансфера инноваций, радикально меняя структуру занятости и доходов.

Перспективными формами неоиндустриализации российской экономики являются следующие:

1. Формирование сетевых кластеров информационных технологий, не «привязанных» к головным компаниям – крупным разработчикам ИТ. Эти кластеры могут стать источниками инноваций для промышленности, создающими технологии обработки и перераспределения информации, составляющей важные элементы современных производственных цепочек. Комплекс современных сетевых технологий, востребованных российским рынком, довольно разнообразен. К наиболее распространенным из них относятся: создание веб-интерфейсов баз данных и доступа к оборудованию (от домашнего до промышленного); распределенное («облачное») программирование – генерация сложных компьютерных программ, которые «по частям» способны создавать отдельные специалисты; профессиональный интернет-консалтинг; дистанционное онлайн-обучение и онлайн-маркетинг и пр.

2. Развитие производственных мощностей по глубокой переработке углеводородов, производству новейших композитных и multifunctional синтетических материалов, выплавка новейших сверхпрочных сплавов. Модернизация данных производств в базовых отраслях российской экономики необходима для обеспечения высокотехнологичных отраслей новейшими материалами – углеродное волокно, армированные пластмассы, нано-смазочные и адсорбционные материалы, металлоорганические соединения, новейшие полупроводники и кремнийорганические соединения, сверхпрочные пластики и пр. Мировые рыночные цены на них превышают стоимость сырья в несколько сотен и даже тысяч раз. В связи с этим их производство может создавать рабочие места с самым высоким уровнем заработной платы в современной промышленности. Отрасли промышленности, в которых занятость должна принять неоиндустриальный характер, объединяют в себе конвергентные технологии. Это реализуется путем соединения схожих процессов различных

отраслей и инициирования межотраслевого сотрудничества. Они включают в себя синтез технологий и производство обработки металлов и полимеров, производство промышленных роботов, космических кораблей, слияние биохимии и энергетики и т.д.

3. Повышение энергоэффективности традиционных для российской экономики отраслей – энергетики, жилищного строительства, проектирования и производства новых электрогенераторов и двигателей, строительных материалов.

4. Генезис «зеленой энергетики» – переход на возобновляемые источники энергии. Это означает развитие производства солнечных элементов, аккумуляторов большой емкости, малой гидро- и ветроэнергетики на действующих энергетических предприятиях.

Наиболее ожидаемыми результатами перехода к политике ускоренной неоиндустриализации являются рост средне- и высокотехнологичной занятости. Он инспирирован возрождением обрабатывающей промышленности и ростом ее международной конкурентоспособности. Спрос на ее продукцию должны предъявлять прежде всего базовые отрасли российской промышленности. Для них переход на новую материальную и технологическую базу является основой технологической модернизации.

В качестве ключевого субъекта неоиндустриального развития российской экономики выступает государство.

Источником инвестиций для финансирования инновационной модернизации российского обрабатывающего комплекса могут стать капиталовложения государственных корпораций и госбанков. Сегодня именно они являются основными инвесторами в российской экономике. Вместе с тем государственные инвестиции в России признаются неэффективными не только независимыми экспертами, но и представителями государства [24]. Следовательно, рассчитывать на инновационно-эффективные государственные капиталовложения в предприятия и компании, полностью или частично контролируемые государством, в отраслях машиностроения, радиоэлектроники, приборостроения, производства современных материалов по меньшей мере нецелесообразно. Инвестиционную основу неоиндустриализации можно представить в виде обрабатывающих и высокотехнологичных государственно-частных партнерств, государственно-частных банковских консорциумов.

При формировании инвестиционных механизмов неоиндустриального развития нельзя игнорировать импортозамещение как условие создания высокопроизводительных и высокооплачиваемых рабочих мест в индустриальном секторе национальной экономики. Это соответствует экономическому курсу рещоринга в США [25]. Вместе с тем восстановление обрабатывающего сектора в промышленности с опорой на внутренний рынок средств производства и материальных ресурсов требует опережающего импорта технологий и создания системы их адаптации на российских предприятиях. Это, в свою очередь, невозможно без расширения социальной группы инженерно-технических работников, инновационных менеджеров и предпринимателей с компетенциями позднеиндустриального и постиндустриального уровня.

Неоиндустриальная инновационная модернизация промышленности, основанная на межотраслевом трансфере технологий, не может осуществляться без участия российской экономики в международной диффузии инноваций. В связи с этим важным объективным фактором возрастания социального благополучия в ходе неоиндустриального развития является расширение технологического сотрудничества между российскими и иностранными компаниями – лидерами в сырьевом и обрабатывающем секторах, а также компаниями в отраслях, активно формирующих конвергентно-технологический базис инновационной модернизации. Сохранение научно интеллектуального потенциала российской промышленности требует ускорения процессов научно-производственной интеграции в рамках межкластерных взаимодействий на национальном и международном уровнях.

В свою очередь, расширение участия российской экономики в международной диффузии инноваций требует формирования соответствующих институтов взаимодействия науки, бизнеса и государства. Они должны быть основаны на единой технологической платформе неоиндустриального развития, нормах и правилах трансфера инноваций из ОПК в гражданские отрасли, механизмах межкластерного и сетевого взаимодействия сырьевых, обрабатывающих, высокотехнологичных предприятий.

Таким образом, применительно к возрастанию социального благополучия неоиндустриально-индуцированный экономический рост в качестве основной социальной формы имеет расширение средне- и высокотехнологичной занятости. Для традиционных российских отраслей – добывающей, металлургической, химической, нефтегазовой, энергетической промышленности (вторичный и третичный секторы экономики) – это означает создание большого количества инновационных предприятий в сфере внедрения ресурсосберегающих и высокопроизводительных технологий, повышающих степень переработки сырья. Для средних и высокотехнологичных отраслей (машиностроения, электроники, авиакосмической промышленности, связи четвертичного и пятеричного секторов) неоиндустриализация означает создание рабочих мест на предприятиях, производящих конкурентоспособную продукцию для внутреннего рынка и для экспорта.

Важным воспроизводственным условием роста средне- и высокотехнологичной занятости является создание кроссплатформенной инновационной деятельности. Передовыми субъектами национальной инновационной системы, впервые сформированными в Европейском Союзе, являются технологические платформы, объединяющие представителей бизнеса, науки и власти. Европейская комиссия рассматривает технологические платформы как направления сотрудничества университетов, инновационных компаний и крупных производителей. Именно в этих областях выделяются государственные расходы на фундаментальные и прикладные исследования. Главной особенностью технологических платформ в ЕС является объединение не только научных организаций и промышленных компаний, но и банков, инвестиционных компаний, европейских концернов. Участие государства в технологических платформах не ограничивается прямым финансированием НИОКР. Оно включает в себя государственные гарантии и инвестиционные налоговые льготы, лизинг и кредитные субсидии.

Инициаторами создания европейских технологических платформ выступили альянсы промышленных корпораций из «Группы высокого уровня». С начала 2000-х гг. в ЕС было создано более 40 технологических платформ (в том числе 26 – в производственных операциях 6-го технологического уклада), такие как «Технологии будущего производства», «Встраиваемые вычислительные системы», «Консультативный совет Европейской инициативы по нанoeлектронике», работающий более 10 лет. В ЕС были созданы национальные группы поддержки технологических платформ, объединения ведущих ученых и чиновников. Они помогают решить проблему технологического прорыва в современных отраслях промышленности, развить новые цепочки переработки сырья, сформировать новые сектора экономики, преодолев фрагментацию результатов научных исследований и структурирование деловых интересов.

В российской экономике формирование технологических платформ началось только в 2011 г. по инициативе Комиссии по высоким технологиям и инновациям при Правительстве Российской Федерации, которая утвердила 30 платформ. Их учредителями и координаторами стали промышленные компании, государственные научно-исследовательские институты и государственные корпорации "РОСНАНО" и "РОСТЕХ".

Как свидетельствует российский опыт, отечественные технологические платформы не реализуют основную цель своего участия в неоиндустриализации экономики – обеспечение технологических прорывов (разработка, адаптация и коммерциализация новейших технологий в пятеричном секторе), необходимых для выхода на путь инновационного развития. Наоборот, российские техноплатформы в значительной степени охватывают базовые отрасли, такие как энергетика, транспорт, горное дело, металлургия, машиностроение, химия, строительство, а в отраслях, которые могут широко использовать высокие технологии (биохимия, фотоника, наноматериалы с особыми характеристиками и суперкомпьютеры), было создано всего несколько техноплатформ. Финансирование инновационных предприятий в этих секторах, которые в основном являются государственными, осуществляется непосредственно государством без привлечения бизнеса к участию в инновационных проектах.

Ограниченное участие технологических платформ в неоиндустриальном развитии российской экономики требует создания новых форм инновационной деятельности предприя-

тий. В них работники смогут реализовать интеллектуальный потенциал и изменить свое участие в распределении факторных доходов. Это подразумевает совмещение привычной трудовой деятельности с инновационным предпринимательством. К таким основным формам вовлечения работников промышленных предприятий в инновационную деятельность целесообразно отнести следующие:

1. Запуск механизмов внутрифирменного обучения в рамках освоения производства новых материалов и оборудования современного технологического уровня для нужд обрабатывающей и высокотехнологичной промышленности. Наряду с внутрифирменным обучением важно создать условия для высвобождения предпринимательской инициативы высококвалифицированных производственных и научных работников, которые смогут действовать внутри предприятия как инновационные предприниматели – интрапренеры. Заказчиком инновационных проектов, реализуемых инновационными интрапренерами, является компания-работодатель. В этой форме взаимодействия между владельцами компании и персоналом стимулы для инновационной деятельности максимально высоки, результате трансфер инноваций от их разработчиков к собственникам компании происходит в независимой команде, работающей под торговой маркой компании. Это позволяет сгладить трудности, связанные с передачей прав интеллектуальной собственности, создаваемой коллективно. Компания, подписав контракт с сотрудниками – инновационными интрапренерами (внутренними предпринимателями), приобретает эти права на рыночной основе. Этим она поощряет своих сотрудников к внутрифирменной реализации инновационных проектов.

2. Формирование системы инновационного субподряда. В нем определенные подразделения промышленного предприятия, в которых сконцентрирована деятельность по разработке и адаптации инноваций, получают право проводить соответствующие исследования и разработки самостоятельно. Так создаются небольшие независимые творческие коллективы, непосредственно занятые в инновационном процессе. Такие коллективы – инновационные субподрядчики – должны получить право самостоятельно подписывать контракты с исследовательскими институтами и университетами для передачи инноваций в обмен на инвестиции и текущее финансирование фундаментальных исследований. Так, в США федеральная контрактная система охватывает 92% производства инновационных товаров и услуг в народном хозяйстве. Правительство США заключает контракты с коммерческими фирмами через различные военные и гражданские ведомства – субподрядчиков, число которых превышает 60. Следует отметить, что эти подрядчики составляют до 90% спроса на исследования и разработки в Соединенных Штатах. Более 25 тысяч государственных, частных и гибридных бизнес-организаций сотрудничают с этими департаментами в качестве субподрядчиков – производителей инновационных продуктов для общественного потребления [26].

Практическое воплощение гуманизации экономического роста в ходе неоиндустриального развития экономики в форме особых социальных групп, благополучие которых призвано значительно возрасти, должно осуществляться в несколько этапов.

Первый этап – инновационное развитие добывающих отраслей промышленности с целью обеспечения обрабатывающих отраслей новейшими материальными ресурсами. Технологической платформой первого этапа должны стать действующие в России технологические платформы, а основными инвесторами – банковские холдинги, подконтрольные государству. Экономические условия первого этапа неоиндустриализации экономики должны стимулировать сбалансированное инвестирование в исследования и разработки, а также в добычу ресурсов. Социальная группа, в которой произойдет возрастание уровня социального благополучия на первом этапе неоиндустриализации, представляет собой работников перерабатывающих предприятий, сотрудников инновационных компаний, занимающихся коммерциализацией вновь выпускаемой продукции.

Второй этап неоиндустриализации российской экономики – модернизация обрабатывающих предприятий базовых отраслей: машиностроения, энергетики, органической химии, металлургии современных сплавов. Технологической платформой второго этапа неоиндустриализации должны стать сетевые взаимодействия исследовательских сегментов инновационных кластеров. Экономические условия должны стимулировать импорт технологий и их адаптацию в существующих промышленных кластерах, создавать спрос на инновации в промышленности. Институциональной основой второго этапа является отказ от

«вынужденной модернизации» российской экономики и отход от ее «эпизодического» локального характера, переход к целевому программированию и стратегическому планированию взаимодействия государства и бизнеса в сфере инвестирования инноваций. Социальная группа, в которой на втором этапе неоиндустриализации должно быть сгенерировано возрастание благополучия, включает сотрудников научно-исследовательских институтов, университетов и венчурных компаний, компаний, которые разрабатывают инновационные технологии и адаптируют их для внедрения в промышленности.

Третий этап – создание радикально новых для России производств, в которых прорывные инновации могут найти спрос, главным образом, в энергетике и в ряде обрабатывающих отраслей. К этим отраслям мы относим производство биоэнергетики и экологически чистого топлива, формирование систем распределенных вычислений, производство материалов с новыми свойствами на наноуровне. Технологическая платформа третьего этапа должна основываться на принципе межотраслевой инновационной интеграции, сетевизации кластеров и технологической конвергенции. Экономическими условиями третьего этапа являются государственная поддержка «прорывных» исследований и разработок, а также наиболее льготные условия для создания и коммерциализации «прорывных» инноваций. Институциональная основа – целевые программы опережающего инновационного развития, высокотехнологическое лобби, инновационная субконтракция малых инновационных компаний крупными промышленными предприятиями. Наиболее социально благополучной целевой группой на третьем этапе должны стать ученые – эксперты и консультанты, работники современных высокотехнологичных отраслей, частные инвесторы в инновации – «бизнес-ангелы».

4 Conclusion / Заключение

Неоиндустриальное развитие является во многом безальтернативным путем выхода российской экономики из рецессивного состояния макроэкономической динамики и перехода на траекторию устойчивого экономического роста. Вместе с тем инновационная модернизация как его ключевой драйвер с характерным ростом национальной конкурентоспособности и «встраивания» российской экономики в мировые цепочки производства современных высокотехнологичных благ не должна подменять главную цель экономического развития – возрастание социального благополучия населения. Иными словами, возрождение современной промышленности не должно происходить в отрыве от формирования новых социальных групп, по сути своей соответствующих современному этапу научно-технического прогресса. Преодоление дезлитеризации научно-исследовательской и инженерной деятельности, инновационного предпринимательства, укоренившейся в деиндустриальных условиях российских рыночных реформ, требует согласованного проведения инвестиционной, инновационной, промышленной и социальной политики государства. В ней особое внимание должно быть уделено воспроизводству человеческого капитала на новом уровне.

Список источников

1. Официальный сайт Росстата. Раздел «Национальные счета». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (последнее обращение: 18.05.2019).
2. Аналитический центр при Правительстве РФ // Социальный бюллетень. Производительность труда в РФ. – 2017. – №9. – 44 с.
3. Аналитический центр при Правительстве РФ // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Неравномерность развития стран мира. – 2018. – №30. – 26 с.
4. Жиронкин С.А. Неоиндустриально-ориентированные преобразования российской экономики: Дисс. д-ра экон. наук. – Томск: НИ ТГУ, 2015. – 369 с.
5. Средняя заработная плата в России и других странах мира в 2014 году. Портал «Деловая жизнь». URL: <http://bs-life.ru/rabota/zarplata/srednyaya-zarplata2014.html> (последнее обращение: 18.05.2019).
6. Добрынина Е. Социологи выяснили, почему в России бедности стало меньше, а нуждающихся все больше // Российская газета. Федеральный выпуск. – 2013. – №6109 (133). – С.12.
7. Эрроу К.Дж., Гурвиц Л., Удзава Х. Исследования по линейному и нелинейному программированию. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 336 с.
8. Bell D. The coming of post-industrial society. Venture in social forecasting. – N.Y.: Collman Pub., 1973. – 884 p.

9. Clark C. The conditions of economic progress. – London: Logan Pub., 1991. – 326 p.
10. Reich R. The work of nations. Preparing ourselves for 21st Century capitalism. – N.Y.: Univ. of N.Y. Pub., 1992. – 188 p.
11. Pareto V. The Rise and Fall of Elites: An Application of Theoretical Sociology. – Los Angeles: Transaction Publishers, 1991. – 306 p.
12. Pareto V. The Transformation of Democracy. Transaction Books. – Hannover: Jolley, 1984. – 288 p.
13. Carden A. The Use of Force in Society: Defining The State in Introductory Economics. Library of economics and liberty. – 2014. – 29. URL: http://econlog.econlib.org/archives/2014/09/the_use_of_forc.html (последнее обращение: 18.05.2019).
14. Pareto V., Parsons T. Theories of Society. Foundations of Modern Sociological Theory. – New York: The Free Press of Glencoe Inc., 1961. – 422 p.
15. Pareto V., Kelley A. Manual of Political Economy. – Milano: Ducatti Pub., 1971. – 390 p.
16. Львов Д.С. и др. Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики. – Москва: Экономика, 1999. – 647 с.
17. Mommsen W.J. The Political and Social Theory of Max Weber. – Chicago: University of Chicago Press, 1982. – 327 p.
18. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. – Berlin: Goldberg, 1925. – 294 p.
20. Глазьев С. "Стратегия-2020" – антимодернизационный документ // Российский экономический журнал. – 2012. – №2. – С.3-9.
21. Красильников О.Ю. Структурные сдвиги как фактор экономического роста в современной России / Формирование российской модели рыночной экономики: противоречия и перспективы Ч. 2. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2003. – С. 156-178.
22. Dahrendorf R. Zu einer theorie sozialen Konflikts. Theorien sozialen Wandels. – Köln-Berlin: Wurtz, 1969. – 194 p.
23. Pavot W., Diener E. The affective and cognitive context of self-reported measures of subjective wellbeing // Social Indicators Research. 1993. – №28. – pp.1-20.
24. Рейтинг «РБК-500». Вся Россия. URL: <http://www.rbc.ru/rbc500/> (последнее обращение: 17.05.2018).
25. Кондратьев В. Решоринг как форма реиндустриализации // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т.61, № 9. – С. 54-65.
26. Torisson T. The ways of Federal Contract System Future Development. – Washington DC.: FCS Board, 1998. – 144 p.

References

1. Oficial'nyj sajt Rosstat. Razdel «Nacional'nye scheta» [The official site of Rosstat. Section "National Accounts"]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (accessed: 18.05.2019).
2. Analiticheskij centr pri Pravitel'stve RF [Analytical Center under the Government of the Russian Federation]. Social'nyj byulleten'. Proizvoditel'nost' truda v RF = Social Bulletin. Labor productivity in the Russian Federation. 2017. Social Bulletin. Labor productivity in the Russian Federation. 2017. Vol. 9. 44 p
3. Analiticheskij centr pri Pravitel'stve RF [Analytical Center under the Government of the Russian Federation]. Byulleten' o tekushchih tendenciyah mirovoj ekonomiki. Neravnomernost' razvitiya stran mira = Bulletin on current trends in the global economy. Uneven development of the world. 2018. Vol. 30. 26 p.
4. Zhironkin S.A. Neoindustrial'no-orientirovannye preobrazovaniya rossijskoj ekonomiki [Neo-industrial-oriented transformation of the Russian economy]: Doctoral Thesis. Tomsk: NI TGU, 2015. 369 p.
5. Srednyaya zarabotnaya plata v Rossii i drugih stranah mira v 2014 godu // Portal «Delovaya zhizn'» [The average salary in Russia and other countries of the world in 2014. Portal "Business life"]. URL: <http://bs-life.ru/rabota/zarplata/srednyaya-zarplata2014.html> (accessed: 18.05.2019).
6. Dobrynina E. Sociologi vyasnili, pochemu v Rossii bednosti stalo men'she, a nuzhdayushchiesya vse bol'she [Sociologists have figured out why poverty has become less in Russia and more and more in need]. Rossijskaya gazeta. Federal'nyj vypusk = Russian Newspaper. Federal issue. 2013. Vol. 6109 (133). pp.12.
7. Arrow K.G., Gurvic L., Udzava H. Issledovaniya po linejnomu i nelinejnomu programmirovaniyu. [Studies in linear and nonlinear programming]. Moscow: Izd-vo inostrannoju literatury = Publishing House of Foreign Literature, 1962. 336 p.
8. Bell D. The coming of post-industrial society. Venture in social forecasting. New York: Collman Pub., 1973. 884 p.
9. Clark C. The conditions of economic progress. London: Logan Pub., 1991. 326 p.
10. Reich R. The work of nations. Preparing ourselves for 21st Century capitalism. New York: Univ. of New York Pub., 1992. 188 p.
11. Pareto V. The Rise and Fall of Elites: An Application of Theoretical Sociology. Los Angeles: Transaction Publishers, 1991. 306 p.
12. Pareto V. The Transformation of Democracy. Transaction Books. Hannover: Jolley, 1984. 288 p.
13. Carden A. The Use of Force in Society: Defining The State in Introductory Economics. Library of economics and liberty. – 2014. – 29. URL: http://econlog.econlib.org/archives/2014/09/the_use_of_forc.html (accessed: 18.05.2019).

14. Pareto V., Parsons T. Theories of Society. Foundations of Modern Sociological Theory. New York: The Free Press of Glencoe Inc., 1961. 422 p.
15. Pareto V., Kelley A. Manual of Political Economy. Milano: Ducatti Pub., 1971. 390 p.
16. L'vov D.S. i dr. Put' v XXI vek: strategicheskie problemy i perspektivy rossijskoj ekonomiki. [The path to the XXI century: strategic problems and prospects of the Russian economy]. Moscow: Ekonomika = Economy, 1999. 647 p.
17. Mommsen W.J. The Political and Social Theory of Max Weber. Chicago: University of Chicago Press, 1982. 327 p.
18. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Berlin: Goldberg, 1925. 294 p.
20. Glaz'ev S. "Strategiya-2020" – antimodernizacionnyj dokument [Strategy 2020 - anti-modernization document]. Ros-sijskij ekonomicheskij zhurnal = Russian Economic Journal. 2012. Vol. 2. pp.3-9.
21. Krasil'nikov O.Yu. Strukturnye sdvigi kak faktor ekonomicheskogo rosta v sovremennoj Rossii. Formirovanie rossijskoj modeli rynochnoj ekonomiki: protivorechiya i perspektivy. [Structural changes as a factor of economic growth in modern Russia. Formation of the Russian model of market economy: contradictions and prospects]. Part 2. Moscow: Moscow State University, Thesis, 2003. pp. 156-178.
22. Dahrendorf R. Zu einer theorie sozialen Konflikts. Theorien sozialen Wandels. Köln-Berlin: Wurtz, 1969. 194 p.
23. Pavot W., Diener E. The affective and cognitive context of self-reported measures of subjective wellbeing. Social Indicators Research. 1993. Vol. 28. pp.1-20.
24. Rating «RBC-500». All Russia. URL: <http://www.rbc.ru/rbc500/> (aceessed: 17.05.2018).
25. Kondrat'ev V. Reshoring kak forma reindustrializacii = Reshoring as a form of re-industrialization. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations. 2017. Vol. 61, Issue 9. pp. 54-65.
26. Torisson T. The ways of Federal Contract System Future Development. Washington DC.: FCS Board, 1998. 144 p.

Авторы

Гасанов Эйваз Али-оглы – доктор экономический наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории
Хабаровский государственный университет экономики и права
680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134
E-Mail: eyvaz_gasanov@mail.ru

Authors

Eyvaz A. Gasanov – Dr. Sc., Professor, Head of Economics Department
Khabarovsk State University of Economy and Law
680042 134 Tikhookeanskaya st., Khabarovsk, Russia
E-Mail: eyvaz_gasanov@mail.ru

Библиографическое описание статьи

Гасанов Э.А. Гуманизация экономического роста: социальное благополучие и неоиндустриальное развитие // Экономика и управление инновациями — 2019. — № 2 (9). — С. 39-49.

Reference to article

Gasanov E.A. Humanization of economic growth: social well-being and neo-industrial development. Economics and Innovation Management, 2019, no. 2 (9), pp. 39-49.